

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О КОННОЙ АРТИЛЛЕРІИ ВООБЩЕ И О РУССКОЙ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

Въ прекрасной статьѣ генераль-маіора Крыжановскаго, подъ заглавіемъ: «Посѣщеніе лагеря союзниковъ на Федюхиныхъ горахъ», статьѣ (*), преисполненной любопытными свѣдѣніями и вѣрными мыслями, встрѣчаемъ, между прочимъ, по поводу реформированія во Франціи конныхъ батарей въ особые полки, слѣдующія слова автора:

«Офицеры конной артиллеріи, не служа вмѣстѣ съ офицерами пѣшей, отдѣляются отъ нихъ образомъ мыслей и занятій, а какъ пѣшая артиллерія составляетъ большинство, то и выходитъ, что офицеры конной артиллеріи перестаютъ быть товарищами артиллеристовъ, принимаютъ манеры и образъ жизни кавалеристовъ, занимаются единственно лошадьми, забывая специальность своего оружія, и смотрятъ наконецъ на конныя батареи, какъ на отряды кавалеріи, которымъ случайно приказано возить орудія и разныя повозки. У насъ конныя батареи постоянно

(*) Статьа эта была помѣщена въ № V «Артиллерійскаго Журнала» за 1856 годъ.

«входятъ въ составъ артиллерійскихъ дивизій, вмѣстѣ съ бата-
«реями пѣшими, исключая артиллеріи резервныхъ кавалерійскихъ
«корпусовъ. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было весьма за-
«мѣтно различіе между специальнымъ артиллерійскимъ образова-
«ніемъ и духомъ офицеровъ конныхъ батарей резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ отъ тѣхъ, которыя входили въ составъ артиллерійскихъ дивизій. Теперь различіе это постепенно исчезаетъ, благодаря введеннымъ въ послѣднее время правиламъ о практическихъ занятіяхъ батарей, заставляющимъ всѣхъ безъ исключенія обращать наибольшее вниманіе на специальное артиллерійское образованіе, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ».

Эти немногія слова послужили поводомъ къ появленію разныхъ статей въ «Артиллерійскомъ Журналѣ» и отчасти даже въ «Русскомъ Инвалидѣ». Нѣкоторыя изъ этихъ статей заключали въ себѣ возраженія, но большая часть ихъ соглашается не только съ мнѣніемъ генерала Крыжановскаго, но и собственно отъ себя дополняетъ и расширяетъ смыслъ словъ автора до того, что придаетъ всему спорному дѣлу совершенно другое значеніе и другой объемъ.

Въ словахъ генералъ-маіора Крыжановскаго выражается желаніе, чтобы всѣ служащіе въ конной артиллеріи обращали наибольшее вниманіе на специальное артиллерійское образованіе; въ помянутыхъ же статьяхъ явно преобладаетъ мысль, будто въ конной артиллеріи, подобно какъ въ пѣшей, имѣется одна только своя специальность *артиллерійская*, и что поэтому конно-артиллерійскій офицеръ долженъ заниматься этою специальностію въ такой же точно мѣрѣ, какъ офицеръ пѣшей артиллеріи; тамъ было сказано, въ порицательномъ смыслѣ, что конные артиллеристы, принимая манеры и образъ жизни кавалериста, перестаютъ быть товарищами пѣшихъ артиллеристовъ, а здѣсь оуждаютъ конную артиллерію даже за то, что она прониклась своимъ кавалерійскимъ *духомъ*, а не духомъ пѣшей артиллеріи; тамъ оуждаютъ тѣхъ конно-артиллерійскихъ офицеровъ, которые занимаются лошадьми, забывая специальность своего оружія, здѣсь же рѣшительно нападаютъ на нихъ за любовь и охоту къ манежнымъ занятіямъ и къ прочимъ ихъ обязанностямъ по кавалерійской части, выставляя эту любовь въ видѣ порока и пристрастія, вреднаго для конно-артиллерійской службы.

Нося конно-артиллерійскій мундиръ сорокъ-шесть лѣтъ, изъ которыхъ первая десятка провелъ въ походахъ и на строевой службѣ, я считаю обязанностію высказать свои мысли по этому предмету не столько въ надеждѣ убѣдить ревностныхъ поборниковъ противоположнаго мнѣнія, сколько съ цѣлью доказать молодому поколѣнію нашихъ конно-артиллеристовъ особую важность разсматриваемаго вопроса для будущей судьбы и славы ихъ оружія, и тѣмъ, можетъ быть, побудить нѣкоторыя талантливья лица, изъ среды ихъ, къ дальнѣйшему, болѣе полному, красно-рѣчивому и убѣдительному изложенію того, что начертано здѣсь въ нѣсколькихъ строкахъ.

Въ конно-артиллерійской службѣ существуютъ двѣ спеціальности, равномѣрно важныя и необходимыя: *артиллерійская* и *кавалерійская*. По каждой изъ этихъ спеціальностей, конная батарея должна быть доведена до той степени образованія и развитія, какая нужна для вполне удовлетворительнаго дѣйствія ея въ полѣ. Отдавать которой либо изъ двухъ спеціальностей рѣшительное преимущество предъ другою, признавая одну главною, а другую второстепенною, значило бы предать одну изъ нихъ пренебреженію и упадку и этимъ нарушить то необходимое равновѣсіе кавалерійскаго и артиллерійскаго элементовъ, безъ котораго отличныя дѣйствія конной артиллеріи невозможны.

Драгуны, имѣющіе, подобно конной артиллеріи, двѣ спеціальности, оставались болѣе вѣка неспособными соответствовать своему назначенію, единственно по той причинѣ, что всегда одна какая нибудь изъ двухъ спеціальностей имѣла у нихъ рѣшительный перевѣсъ надъ другою.

Особая важность кавалерійскаго элемента для конной артиллеріи очевидна и неоспорима. Во всѣхъ боевыхъ движеніяхъ (имѣя канонеровъ около орудій), каждый конно-артиллеристъ ѣдетъ отдѣльно и слѣдственно долженъ имѣть лошадь хорошо выѣзженную и вполне послушную ему, когда онъ хочетъ остановить ее, слѣзть или садиться, поворотить въ сторону или назадъ, переменить аллюръ, объѣхать или перескочить препятствія;

притомъ же и онъ самъ долженъ быть хорошимъ, твердымъ въ сѣдлѣ ѣздокомъ, умѣть искусно управлять лошадыю и даже быть ловкимъ вольтижѣромъ, умѣющимъ вскочить на лошадь съ любой стороны, или спрыгнуть съ нея при самомъ быстромъ аллюрѣ.

Извѣстно, что достиженіе нужной степени удовлетворительности въ обученіи людей и выправкѣ лошадей во всемъ, къ одиночной ѣздѣ относящемся, составляетъ уже для кавалерійскихъ полковъ самую важную и виѣстѣ съ тѣмъ и самую трудную задачу, съ разрѣшеніемъ которой все остальное въ кавалерійскомъ ученіи дѣлается легкимъ и удободостижимымъ. Въ конной артиллеріи разрѣшеніе этой самой задачи еще нужнѣе и труднѣе, чѣмъ въ кавалеріи, потому что ей необходимо довести почти всѣхъ, безъ исключенія, своихъ людей и лошадей, до полной удовлетворительности по части одиночной ѣзды, между тѣмъ какъ въ кавалерійскихъ полкахъ, безъ особаго вреда для фронтоваго ученія и самаго дѣйствія въ полѣ, можетъ имѣться, и всегда имѣется, весьма значительное число такихъ людей и лошадей, которые мало или вовсе неспособны къ наѣздничеству. Если предположить, что въ какой либо конной батарее осталась бы только десятая часть людей и лошадей, недостаточно выправленныхъ, то одно уже это обстоятельство сдѣлало бы батарею неспособной къ какому либо блистательному конно-артиллерійскому дѣлу. Вообразите себѣ эту батарею въ тѣхъ моментахъ, когда она стремительно подскакиваетъ къ непріятелю, чтобъ осыпать его картечью съ близкой дистанціи, или когда она принуждена съ поспѣшностію снѣться съ позиціи, чтобъ быстро ускакать и тѣмъ спастись отъ вѣрной гибели, словомъ вообразите себѣ эту батарею въ одномъ изъ тѣхъ критическихъ моментовъ, когда всякая секунда дорога и малѣйшая неурядица можетъ сдѣлаться пагубною, и представьте себѣ тѣ неминуемые замедленія и безпорядки, которые въ подобныхъ случаяхъ должны будутъ произойти отъ того, что нѣкоторые изъ канонеровъ не сумѣютъ во время остановити или поворотити своихъ лошадей, быстро спрыгнуть, или ловко вскочить на нихъ, и что при томъ еще часть коноводовъ не будетъ на своихъ мѣстахъ, для принятія лошадей при слѣзаніи, или не подскочетъ во время съ своею подручною парею къ тѣмъ людямъ, къ которымъ слѣдуетъ подвести лошадей. Вы согласитесь, конечно, что подобная батарея, при всякомъ смѣломъ подскакиваніи къ непріятелю на

близкую дистанцію, подвергнется величайшей опасности; да едва ли и самъ батарейный командиръ рѣшится когда либо на истинно лихое, молодецкое конно-артиллерійское дѣйствіе, зная, что въ опаснѣйшія минуты этого дѣйствія, часть его людей не будетъ въ состояніи исполнить обязанности свои съ необходимымъ скоростію и исправностію.

Если же, съ одной стороны, извѣстно, что обученіе людей и лошадей въ одиночной ѣздѣ представляетъ для кавалерійскихъ полковъ главную и труднѣйшую задачу, на разрѣшеніе которой офицеры обязаны посвятить большую половину всего своего времени, а съ другой стороны очевидно, что это самое обученіе составляетъ въ конной артиллеріи предметъ еще болѣе необходимый и важный, нежели въ конницѣ, и слѣдовательно требуетъ и болѣе усиленныхъ и продолжительныхъ трудовъ; — то, конечно, изъ этого само собою слѣдуетъ, что для конно-артиллерійскихъ офицеровъ рѣшительно невозможно дойти, по этому обученію, до результатовъ вполне удовлетворительныхъ, если они не посвятятъ ему, подобно кавалерійскимъ офицерамъ, большую половину своего времени и не займутся имъ съ особою охотою и даже съ нѣкоторымъ пристрастіемъ, весьма извинительнымъ въ такомъ офицерѣ, который убѣжденъ, что безъ надлежащаго развитія по манежной части, блистательныя дѣйствія для конной артиллеріи—невозможны.

Само собою разумѣется, что одно знаніе своихъ кавалерійскихъ обязанностей, доведенное даже до совершенства, составило бы одностороннее и бесполезное преимущество конной батареи, если бы въ тоже время артиллерійская специальность оставалась у ней въ пренебреженіи, если стрѣльба ея была бы ненадежна, собственно артиллерійское ученіе—не удовлетворительно; а матеріальная и лабораторная части — запущены. Для конной батареи обязанности специально-артиллерійскія не менѣе важны и необходимы, какъ и кавалерійскія. Безъ дружнаго, одновременнаго доведенія конной батареи, по объѣмъ специальностямъ, до удовлетворительной степени образованія, она останется всегда посредственною, а при явномъ пренебреженіи одной изъ нихъ, будетъ даже весьма плохую конною батареею.

Тутъ рождается естественнымъ образомъ вопросъ: останется ли у конно-артиллериста достаточно времени для вполне удовлетворительнаго исполненія своихъ обязанностей по артиллерій-

ской части, если онъ посвятитъ большую половину своего времени маневрнымъ и прочимъ собственно кавалерійскимъ занятіямъ?—Отвѣчать на это отрицательно, значило бы высказать, что для конной артиллеріи невозможно дойти, одновременно по объемамъ специальностямъ, до потребной степени образованія, значило бы признаться, что конная артиллерія не въ состояніи удовлетворить своему назначенію, какъ особый родъ оружія; а такое признаніе повело бы непремѣнно къ заключенію, что вовсе не стоитъ имѣть конную артиллерію. Къ счастью, нѣтъ надобности давать подобный отвѣтъ. Неопровержимые историческіе факты (о которыхъ впослѣдствіи будетъ сказано подробнѣе) доказываютъ, что наша конная артиллерія неоднократно производила дѣйствія самыя блистательныя и вполне соответственныя своему назначенію, и убѣждаютъ въ томъ, что для нея доступна требуемая степень развитія по объемамъ специальностямъ, хоть нельзя также и не сознаться, что достиженіе подобнаго результата всегда сопряжено съ весьма значительными трудами, и возможно только при строгомъ соблюденіи слѣдующаго, крайне необходимаго условія: *не требовать ни по кавалерійской, ни по артиллерійской специальности, ничего излишняго, довольствуясь тѣмъ, что дѣйствительно нужно и полезно въ практическомъ смыслѣ.*

Если требовать по части верховой ѣзды излишнія, бесполезныя утонченности, или требовать, чтобы конный артиллеристъ занимался артиллерійскою специальностію наравнѣ съ пѣшимъ артиллерійскимъ офицеромъ, и посвящалъ ей наибольшую часть своего времени, то въ обонхъ случаяхъ мы уклонимся одинаково отъ существенной цѣли. Объемъ теоретическихъ познаній, которыя необходимы собственно для конно-артиллерійской службы, весьма необширенъ; запасъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ каждымъ офицеромъ въ учебныхъ заведеніяхъ, при большой части случаевъ, достаточенъ для разрѣшенія тѣхъ немногихъ теоретическихъ вопросовъ, которые могутъ ему встрѣчаться при стрѣльбѣ, или по матеріальной и лабораторной частямъ. Можно, безъ сомнѣнія, *желать*, чтобы и каждый конно-артиллерійскій офицеръ, по мѣрѣ возможности, совершенствовался въ теоретическихъ артиллерійскихъ познаніяхъ; можно душевно радоваться, если онъ въ этомъ успѣетъ безъ вреда для дѣйствительныхъ обязанностей своей службы, по *требовать* этого, какъ долга службы, отнюдь не слѣдуетъ. Требовать лишнее противъ того, что дѣйствительно нужно для хорошаго исполненія своихъ обязан-

ностей, вообще болѣе вредно, чѣмъ полезно, — а въ настоящемъ случаѣ было бы истинно пагубно, потому что *измѣненія* по части артиллеріи требованія не могли бы быть исполнены иначе, какъ чрезъ упущеніе и ослабленіе другихъ, *крайне необходимыхъ* обязанностей службы по кавалерійской части.

Высшее артиллерійское начальство должно быть довольно конно-артиллерійскими офицерами, если они, во все продолженіе практическихъ ученій, занимаются тщательно и почти исключительно доведеніемъ своей команды до возможнаго совершенства по части стрѣльбы, и если они въ остальное время года, посвящаютъ на собственно-артиллерійское обученіе людей и на содержаніе въ порядкѣ лабораторной и матеріальной частей, только долю своихъ трудовъ, достаточную для содѣланія батарен способною къ вполнѣ удовлетворительнымъ дѣйствіямъ въ полѣ. Однимъ только подобнымъ тѣснымъ ограниченіемъ своихъ требованій по артиллерійской части, можно дать конно-артиллерійскимъ офицерамъ нужное время и средства къ удовлетворительному исполненію крайне-важныхъ обязанностей ихъ по кавалерійской спеціальности.

Обратимся теперь къ упреку, сдѣланному конно-артиллерійскимъ офицерамъ, за то, что у нихъ преобладаетъ *духъ* кавалеристовъ.

Упрекъ этотъ можетъ быть разсмотрѣнъ въ двухъ отношеніяхъ: въ *общезытельномъ* и *тактическомъ*. Устраняясь вовсе отъ разбора упрека въ первомъ смыслѣ, разсмотримъ только тактическое его значеніе, принимая слова «кавалерійской духъ» въ смыслѣ духа кавалеріи, какъ особаго рода войскъ.

Можетъ ли кто либо сомнѣваться, что каждый родъ оружія долженъ быть по возможности проникнуть духомъ, соответствующимъ характеру главныхъ дѣйствій, предназначенныхъ ему въ бою? Отъ пѣшаго артиллериста требуются преимущественно: хладнокровіе, стойкость и пассивная храбрость — до героизма. Посмотримъ, что требуется отъ коннаго артиллериста.

Конная артиллерія учреждена съ цѣлію употреблять ее тамъ, гдѣ нужна скорость движенія, невозможная для пѣшей артиллеріи. Сообразно этой цѣли, она имѣла всегда только два главныхъ назначенія: 1) находится въ резервѣ общаго боеваго порядка, для быстрого занятія тѣхъ пунктовъ боевой позиціи, на кото-

рыхъ оказалась бы надобность особо-скорой помощи въ артиллеріи, и 2) для совокупнаго дѣйствія съ кавалеріею.

Относительно къ первому изъ этихъ назначеній, въ новѣйшее время многое измѣнилось. Съ тѣхъ поръ, какъ стали, для дальнихъ скорыхъ движеній, сажать пѣшихъ артиллеристовъ на лафеты, передки, ящики и подручныя лошади, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ ввели ѣздящую артиллерію, послѣдняя, въ большой части случаевъ, можетъ замѣнить въ резервѣ конную артиллерію. Хотя и правда, что ѣздящая батарея достигнетъ назначеннаго ей, даже недалеаго отъ резерва пункта позиціи, всегда не многимъ позже, чѣмъ хорошая конная, но эта незначительная потеря времени вознаградится съ избыткомъ способностію пѣшей артиллеріи къ болѣе продолжительному, упорному дѣйствію на самой позиціи. Конная артиллерія, представляя неприятелю, по множеству своихъ лошадей, гораздо лучшую цѣль, нежели пѣшая, никогда, и въ прежнее время, не могла состязаться съ послѣднею въ упорномъ удержаніи позиціи, а въ настоящее время, она еще менѣе способна къ этому, будучи подвержена на позиціяхъ дѣйствію усовершенствованнаго оружія пѣхоты. При нынѣшнихъ тактическихъ обстоятельствахъ, надобность въ конной артиллеріи, какъ части общаго резерва, уменьшится весьма значительно противъ прежняго, потому что нынѣ въ резервѣ она будетъ въ состояніи принести пользу истинную, незамѣнимую дѣйствіями другихъ родовъ артиллеріи, почти исключительно въ тѣхъ только случаяхъ, когда потребуетъ быстрый, смѣлый и близкій налетъ на неприятеля, для кратковременнаго, но смертопоснаго дѣйствія картечью.

Многіе думаютъ, что и подобные налеты, даже самые стремительные, сдѣлаются невозможными противъ пѣхоты, по причинѣ страшнаго дѣйствія парѣзнаго оружія; но такое мнѣніе основано на одиѣхъ теоретическихъ догадкахъ, а не на опытѣ. Если будущія войны доказали бы справедливость этихъ догадокъ, то полезность конной-артиллеріи, какъ части резерва, могла бы заключаться только въ противодѣйствіи, отважными налетами, неприятельской конницѣ, атакующей фронтъ, фланги или тылъ нашего боеваго порядка.

Что же касается употребленія вмѣстѣ съ кавалеріею, то въ этомъ отношеніи хорошая конная артиллерія незамѣнима никакою ѣздящею артиллеріею. При главномъ кавалерійскомъ дѣй-

ствіи, т. е. при производствѣ атаки, она въ состояніи принести огромную пользу, но, разумѣется, не однимъ тѣмъ, что при началѣ движенія къ атакѣ она опередитъ конницу на нѣсколько сотъ шаговъ, произведетъ изъ каждаго орудія по одному или по два выстрѣла ядрами и гранатами, а потомъ будетъ двигаться за своею конницею, ожидая результатовъ атаки. Такое содѣйствіе ничтожно. Для доставленія истинно важной пользы атакѣ, конной батареи необходимо выноситься впередъ, съ особою быстротою и сколь можно ближе къ непріятелю, чтобы осыпать его картечью, разстроить, поколебать и тѣмъ приготовить своей кавалеріи почти вѣрный успѣхъ.

Изъ сказаннаго видно, что всѣ дѣйствія, которыя предназначены исключительно для конной артиллеріи, и составляютъ собою отличительную характеристику ея, какъ особаго рода оружія, — требуютъ при исполненіи не только степень быстроты, невозможной ни для какой ѣздающей артиллеріи, по и духъ истинно кавалерійскій, т. е. духъ молодечества, предприимчивости, даже отваги. Командиръ конной батареи, непроникнутый этимъ духомъ, осторожный, удаляющійся отъ своего прикрытія только на малые, безопасныя разстоянія, рассчитывающій исключительно на хладнокровное производство мѣткихъ выстрѣловъ, не будетъ соответствовать своему назначенію и никогда не произведетъ въ бою другихъ дѣйствій, кромѣ такихъ, какія бы могла произвести и всякая ѣздающая батарея.

Уже въ походахъ противъ Наполеона I, многіе подвиги нашей русской конной артиллеріи убѣдительно доказали, что она и тогда находилась не только на достаточной для полевыхъ дѣйствій степени образованія по артиллерійской и кавалерійской частямъ, но въ особенности еще отличалась своимъ лихимъ, молодецкимъ, истинно конно-артиллерійскимъ духомъ. Къ сожалѣнію, весьма немногіе изъ этихъ подвиговъ, особенно важные по результатамъ, или поразительные по своей блистательности, нашли мѣсто въ военной лѣтописи, большая же часть ихъ, не описанная никѣмъ, осталась предана вѣчному забвенію и живетъ еще лишь въ памяти немногихъ стариковъ, бывшихъ участниками или очевидцами этихъ дѣйствій. Въ то время офицеры наши, за малыми исключеніями, дневниковъ не писали, а если и писали, то собственно для себя, а не для публики; оффиціальныя же реляціи были составляемы кратко, излагая сраженія въ общихъ только

очертаніяхъ и главныхъ результатахъ. Хотя въ этихъ реляціяхъ и часто упоминалось объ отличномъ дѣйствіи артиллеріи, иногда даже какъ о рѣшительномъ для боя, но обыкновенно безъ всякаго дальнѣйшаго объясненія, такъ, что большею частію невидно, въ чемъ именно состояла сущность выхваляемаго дѣйствія и идетъ ли тутъ рѣчь о конной, или о пѣшей артиллеріи. Кто, напримѣръ, изъ реляціи о Кульмскомъ сраженіи усмотритъ, что тамъ одна наша конно-артиллерійская рота (подполковника Бистрома) приобрѣла себѣ громкую славу отважностію и особою смертоносностію своихъ выстрѣловъ, что она дѣйствіями своими изумила нашихъ союзниковъ и обратила на себя вниманіе Прусскаго короля, который подѣхалъ къ этой ротѣ, чтобы лично осчастливить командира ея лестными похвалами. Тогда подвигъ этой батареи былъ извѣстенъ всей Русской арміи, самъ Бистромъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ 4-й степени и переведенъ подполковникомъ въ гвардію, а между тѣмъ, ни въ одномъ описаніи похода 1813 года объ этомъ подвигѣ не упоминаютъ.

Если во время войнъ 1812, 1813 и 1814 годовъ вели бы журналы дѣйствіямъ во всѣхъ нашихъ конно-артиллерійскихъ ротахъ, то вѣрно оказалось бы, что мало было такихъ ротъ, которыя въ теченіе всей трехлѣтней войны не имѣли случая выказать, хоть одинъ разъ, способность свою къ особо-быстрымъ и смѣлымъ, истинно конно-артиллерійскимъ дѣйствіямъ. Хотя гвардейскія конно-артиллерійскія батареи (*), въ которыхъ я въ то время имѣлъ честь служить, находились всегда почти въ резервѣ съ гвардейскими кирасирами и, употребляясь преимущественно только въ концѣ сраженія на короткое время, имѣли мало случаевъ выказаться, но, не менѣе того, мнѣ весьма памятенъ одинъ случай, гдѣ гвардейская конная артиллерія явила особый духъ отваги.

Въ сраженіи при Феръ-Шампенуазѣ, 1-я гвардейская конная батарея, подъ личнымъ начальствомъ командовавшаго всею гвардейскою конною артиллеріею, генераль-майора Козена (**), дѣйствовала на лѣвомъ флангѣ нашей боевой линіи и въ продолже-

---

(*) Одна гвардейская конная артиллерія дѣлилась тогда на батареи въ 8 орудій, между тѣмъ какъ вся прочая наша полевая артиллерія была разделена на роты въ 12 орудій.

(**) Умершаго въ чинѣ генерала-отъ-артиллеріи.

нѣ нѣсколькихъ часовъ слѣдовала неотступно за непріателемъ, поражая его непрестаннымъ мѣткимъ огнемъ, для чего она, по мѣрѣ отступленія противника, быстро переносилась съ одной позиціи на другую. Для прикрытія нашей батареи и содѣйствія ей, была назначена одна австрійская кирасирская бригада. Сначала, она двигалась дѣйствительно за нами, но въ послѣдствіи остановилась въ одной лощинѣ, подъ предлогомъ совершеннаго утомленія лошадей. Незная про это обстоятельство и никакъ не подозрѣвая, чтобы приданная намъ въ прикрытіе кавалерія могла насъ покинуть, генераль-маіоръ Козень продолжалъ свой смѣлый образъ дѣйствія, пока на нашу батарею, подѣхавшую весьма близко къ противнику, не понесся вдругъ, стремительною атакою, одинъ непріятельскій кавалерійскій полкъ. Тогда только генераль и мы всѣ увидѣли крайнюю опасность нашего положенія: сзади насъ, прикрытіе исчезло изъ виду; съ правой стороны, хотя и были видны наши войска, но въ большемъ отдаленіи; на лѣво, была роща, не занятая войскомъ; — словомъ, ни откуда не было надежды на помощь. Между тѣмъ несущійся во весь опоръ непріятель былъ такъ близокъ къ намъ, что о снятіи съ передковъ и удержанія его огнемъ нечего было и думать, а ускакать отъ него съ нужною быстротою препятствовало грязное, вязкое поле и крайнее утомленіе нашихъ лошадей. Казалось, что нѣтъ спасенія для батареи, и она неминуемо была бы взята Французами, еслибъ случайно влѣво отъ насъ, укрыто за рощею, не находился Кирасирскій Его Величества полкъ, который, увидѣвъ атаку непріятели, кинулся ему во флангъ и тѣмъ заставилъ его поспѣшно отступить назадъ. Случай этотъ, я привожу не какъ образецъ для дѣйствія, — потому что смѣлость тутъ не была соединена съ надлежащею осмотрительностію, — но какъ доказательство того духа удалства и отваги, который господствовалъ въ нашей конной артиллеріи. При этомъ не могу также не упомянуть объ одномъ довольно любопытномъ обстоятельстве, тогда меня поразившемъ. Въ то самое время, когда конная батарея производила свое послѣднее смѣлое движеніе, въ которомъ была застигнута атакою Французской кавалеріи, — неожиданно прискакалъ къ намъ артиллерійскій генераль, высокаго роста и геркулесовскаго сложенія. Нашой вопросъ: кто онъ такой? сказали мнѣ, что это генераль-маіоръ Костенецкій, бывший командиръ гвардейской конной артиллеріи. По наслышкѣ, это лицо мнѣ было уже очень из-

вѣстно. Между офицерами и нижними чинами гвардейской конной артиллерии еще не умолкали тогда разные рассказы и анекдоты про его храбрость и необычайную тѣлесную силу, а также про его странности и причуды относительно къ производству конно-артиллерійскихъ учений. Изъ рассказовъ этихъ, явно выказывалось, что Костенецкій, всею душою конно-артиллеристъ—даже до эксцентричества, былъ убѣжденъ въ необходимости сдѣлать изъ каждаго простаго канонира — лихаго молодца и отважнаго наѣздника. Находясь во время Феръ-Шампенуазскаго дѣла при главной квартирѣ безъ особой должности, и увидя издали, что наша батарея не только безъ прикрытія, но даже въ удаленіи отъ всякой помощи, сражается одна съ непріятелемъ и неперестаетъ подъѣзжать къ нему близко, Костенецкій, вполнѣ преданный конно-артиллеріи, не утерпѣлъ сердцемъ, и не могъ остаться отдаленнымъ зрителемъ такого подвига. Онъ подскочилъ къ намъ безъ всякой надобности, но съ одной цѣлью «полюбоваться вблизи на молодецкое дѣйствіе конной-артиллеріи» — какъ онъ самъ при этомъ выразился,

Въ мѣткости стрѣльбы, тогдашнія гвардейскія конныя батареи наши нисколько не уступали легкимъ пѣхимъ гвардейскимъ артиллерійскимъ ротамъ. Двое изъ конныхъ нашихъ бомбардировъ пользовались даже, между всѣми гвардейскими артиллеристами, особою славою: зная въ совершенствѣ свойства своихъ орудій и умѣя къ нимъ примѣняться, они стрѣляли изъ нихъ съ замѣчательною мѣткостію. Въ продолженіе компаніи 1814 года, намъ сопутствовали постоянно: прусская гвардейская и одна баденская конныя батареи, и мы, дѣйствуя рядомъ съ ними, неоднократно имѣли случай убѣдиться, что тогда Пруссаки стрѣляли нисколько не лучше насъ, а Баденцы до того плохо и неудачно, что возбуждали нескончаемыя насмѣшки со стороны нашихъ конно-артиллерійскаихъ нижнихъ чиновъ.

Что прежній духъ удалства въ русской конной артиллеріи сохранился и до новѣйшаго времени, на то есть неопровержимыя доказательства. Не говоря уже объ извѣстныхъ дѣйствіяхъ генерала Арнольди подъ Кулевчи и полковника Житова подъ Варшавою, укажемъ на одинъ изъ подвиговъ Венгерской войны, подробности котораго любопытны и мало извѣстны публикѣ (*).

(*) Подробности эти заимствованы изъ двухъ новѣйшихъ сочиненій о

Въ сраженіи при Германштадтѣ (25 іюля 1849 года), гдѣ Бемъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе, главная масса нашихъ войскъ содѣйствовала побѣдѣ только дальнимъ огнемъ пѣшихъ орудій, выдвинутыхъ впередъ на позицію, и нравственно чрезъ появленіе издали нашихъ пѣхотныхъ колоннъ, поколебавшее твердость противника, — честь же настоящей схватки съ неприятелемъ и обращенія его въ полное бѣгство, принадлежитъ исключительно высланному впередъ подъ начальствомъ Свиты Его Величества генералъ-маіора Демидова, небольшому конному отряду изъ 8 эскадроновъ уланъ, полка Герцога Насаусскаго, 5 сотенъ казаковъ и 4 орудій 9-й конной батареи.

Приведемъ изъ дѣйствія отряда только то, что непосредственно относится къ подвигамъ 4-хъ конныхъ орудій, бывшихъ подъ командою капитана Деконскаго. Эти орудія дѣйствовали нѣсколько лѣвъѣ остальной части отряда близъ шоссе, и подъ прикрытіемъ дивизіона уланъ, командуемаго подполковникомъ Блюмомъ. Деконскій, опередивъ уланъ, подскакалъ на весьма близкую дистанцію къ одному неприятельскому каре, встрѣтившему его ружейною пальбою и огнемъ нѣсколькихъ орудій, — и осыпалъ Венгерцевъ картечью. Подполковникъ Блюмъ не упустилъ воспользоваться разстройствомъ, произведеннымъ картечными выстрѣлами: онъ бросился на каре, уничтожилъ его и забралъ орудія. Между тѣмъ Деконскій, опередивъ снова уланъ, достигъ цѣлый баталіонъ Венгерцевъ, отступавшій въ полномъ порядкѣ. Едва скомандовалъ онъ «съ передковъ», баталіонъ кинулъ ружья и бросился на колѣни. Деконскій запретилъ стрѣлять, но подоспѣвшія въ то самое время козаки, въ порывѣ атаки, не могли удержать своихъ лошадей. Венгерцы опять схватились за свои ружья, но были прорваны, частью захвачены и частью разсѣяны. Затѣмъ Деконскій понесся далѣе по шоссе къ Германштадту, передъ самымъ городомъ достигъ моста, обороняемаго 4-мя орудіями и свѣжею, только что вышедшею изъ города, пѣхотною колонною. Не смотря на сильный огонь этихъ войскъ, онъ снялся съ передковъ передъ самымъ мостомъ и поражаѣ близкими картечными выстрѣлами неприятеля, покуда не подоспѣлъ подполковникъ Блюмъ съ уланами и не бросился черезъ мостъ на сильно-поколебавшагося противника.

компаніи 1849 г. въ Трансильваніи генералъ-лейтенанта Непокойчицкаго и полковника М. И. Дарагана.

Три орудія были взяты, пѣхотную колонну смяли и разсѣяли. За тѣмъ, часть уланъ кинулась стремглавъ за Венгерцами въ самый городъ, но на площади предмѣстья встрѣтила вновь собравшуюся часть непріятельской пѣхоты и была бы остановлена огнемъ ея, еслибъ капитанъ Деконскій, со своими орудіями, не успѣлъ прискакать на площадь почти вмѣстѣ съ уланами. Нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ заставили непріятеля разсѣяться по домамъ, садамъ и огородамъ,

Шестью днями позже, 31-го іюля, отступавшая сплошною массою Венгерская пѣхота, числомъ около 5 т. человекъ, была застигнута въ 8 верстахъ отъ Мюленбаха, близъ Альвинцкаго оврага, орудіями Деконскаго, имѣвшими въ прикрытіи два эскадрона уланъ. Деконскій немедленно подѣхалъ къ колоннѣ на самое близкое разстояніе и осыпалъ ее картечью, доколѣ она не вышла изъ дистанціи картечнаго выстрѣла; послѣ чего, онъ бралъ на передки и опять подскакивалъ къ ней на близкое разстояніе. Такимъ образомъ преслѣдованіе, съ непрерывнымъ почти картечнымъ огнемъ, продолжалось болѣе 8 верстъ. За орудіями скакали два эскадрона уланъ; другихъ войскъ не было, потому что остальная наша кавалерія была частью послана за отдѣлившимися партіями противника, частью же двигалась въ обходъ по высотамъ, чтобы угрожать флангу и тылу непріятеля. Венгерцы вели безостановочный батальный огонь изъ заднихъ и боковыхъ рядовъ колонны, стрѣляя въ артиллерію и уланъ. Нѣсколько разъ хвостъ колонны пытался бросаться на артиллерію, въ то самое мгновеніе, когда орудія, подѣхавъ весьма близко къ нимъ, останавливались для снятія съ передковъ, но Венгерцы не успѣвали дойти до орудій, какъ уже были встрѣчены картечью и обращены въ бѣгство. Это былъ настоящій поединокъ 4-хъ орудій противъ нѣсколькихъ сотенъ ружей. По шоссе тянулся кровавый слѣдъ, вездѣ оставались убитые, раненые и отсталые, которыхъ уланы забирали цѣлыми партіями. Такъ шло преслѣдованіе до Баламира. Непріятельская колонна уменьшалась постепенно и къ ночи въ ней осталось всего 2000 человекъ. За отличное дѣйствіе капитана Деконскаго въ этотъ день и при Германштадтѣ, Императоръ Николай I-й, не ожидая донесенія Георгіевской думы, наградилъ капитана Деконскаго, собственною властію, орденомъ св. Георгія 4-го класса.

Напрасно искать въ лѣтописяхъ заграничныхъ армій, примѣры удачества и отваги конной артиллеріи, подобные тѣмъ, ко-

торые явили у насъ графы Кутайсовъ и Никитинъ, Арнольди, Житовъ, Деконскій и многіе другіе; вы не найдете рѣшительно ни одного, хотя нѣтъ сомнѣнія, что многочисленные заграничные военные повѣствователи, излагающіе малѣйшія подробности дѣйствія своихъ войскъ, не упустили бы случая возвысить ихъ славу разказами объ удалствѣ своей конной артиллеріи, если бы имѣли въ виду примѣры подобныхъ дѣйствій. Скажу болѣе, вы съ трудомъ встрѣтите въ иностранныхъ военныхъ повѣствованіяхъ разказъ даже о какомъ бы то ни было дѣйствіи конной артиллеріи, которое не могло бы быть выполнено хорошо вѣдущею артиллеріею. Мнѣ, по-крайней мѣрѣ, извѣстенъ одинъ только случай, гдѣ иностранная конная батарея дѣйствовала съ быстротою и смѣлостію, соотвѣтственными прямому назначенію конной артиллеріи. Это было 1813 г., въ дѣлѣ при р. Гердѣ. Декеръ и многіе другіе германскіе писатели разглагольствовали объ этомъ случаѣ, какъ о подвигѣ необычайномъ. Для насъ же, при этомъ любопытно знать, что отличившаяся тутъ нѣмецкая конная батарея англо-германскаго легіона была сформирована въ Россіи въ 1812 году изъ плѣнныхъ Нѣмцевъ, изъявившихъ желаніе вступить въ русскую службу, имѣла наши орудія, ящики, русскихъ лошадей и русскую упряжь, и по своему составу, устройству и отчасти даже и по самому обученію, была совершенно подобна русской батарее. Проѣзжая въ началѣ 1813 года изъ Петербурга къ арміи, я обогналъ ее на большой дорогѣ въ окрестностяхъ Риги, и принявъ за русскую, пока не услышалъ, къ своему удивленію, что нижніе чины разговариваютъ между собою по-нѣмецки.

Тутъ, вѣроятно, каждый спроситъ, почему же одна только русская конная артиллерія представляетъ такую особенность въ характерѣ своихъ дѣйствій? Постараюсь объяснить эти причины.

При самомъ началѣ учрежденія русской конной артиллеріи, имѣли преимущественно въ виду образовать батареи для содѣйствія конницѣ, въ видѣ полковыхъ конныхъ орудій, и по этому смотрѣли на эти батареи, какъ на часть кавалеріи, приученную къ дѣйствію изъ артиллерійскихъ орудій; въ другихъ же европейскихъ государствахъ, при учрежденіи конной артиллеріи, имѣли, напротивъ, главною цѣлью одно ускореніе движенія орудій и смотрѣли на конную батарею, какъ на состоящую изъ обыкновенныхъ артиллеристовъ, посаженныхъ на лошадей для

скорѣйшаго передвиженія съ мѣста на мѣсто и съ одной позиціи на другую. Различіе этого взгляда оставалось долгое время неизмѣннымъ и неизгладилось отчасти и до нынѣ. Между тѣмъ, какъ въ заграничныхъ государствахъ, до новѣйшихъ временъ, конная артиллерія въ мирное время составляла съ пѣшею одно нераздѣльное цѣлое, она у насъ никогда не переставала входить отчасти въ составъ кавалерійскихъ корпусовъ или дивизій, а до 1818 года даже отчасти была еще тѣсно связана съ кавалерійскими полками. Такъ, на примѣръ, наша гвардейская конная артиллерія до 1811 года составляла ничто иное, какъ полковую артиллерію Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка (почему и называлась тогда *Конногвардейскою артиллеріею*) и находилась при этомъ полку неотлучно, отправляясь вмѣстѣ съ нимъ на лѣто въ Стрѣльну.

Не въ одномъ этомъ обнаруживалось различіе нашего русскаго взгляда отъ заграничнаго; оно постоянно проявлялось и до нынѣ проявляется какъ въ особыхъ нашихъ требованіяхъ, относительно боевыхъ дѣйствій конной артиллеріи, такъ равно и въ нѣкоторыхъ мелочахъ, относящихся до состава и устройства конныхъ батарей. Приведемъ примѣръ тому и другому различію.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда во время войны представлялась надобность наскоро сформировать нѣсколько конныхъ орудій, западныя европейскія арміи снабжали часть пѣшихъ артиллеристовъ верховыми лошадьми, въ томъ убѣжденіи, что тутъ главная потребность имѣть людей хорошо обученныхъ и опытныхъ по артиллерійской части.

У насъ же, въ подобныхъ случаяхъ, поступали совершенно на оборотъ, основываясь на томъ убѣжденіи, что необходимѣе всего для конно-артиллериста быть лихимъ ѣздокомъ. Такъ, на примѣръ, въ 1812 году, въ Бобруйскѣ, при оказавшейся надобности имѣть конную артиллерію, для дѣйствія противъ дивизіи Домбровскаго, было сформировано нѣсколько конныхъ орудій изъ козаковъ, а не изъ пѣшихъ артиллеристовъ, поручикомъ Шильдеромъ (*). Эти орудія съ успѣхомъ дѣйствовали въ дѣлѣ при Ушѣ, близъ Свислоча.

Въ 1849 году, при Германштадтѣ, блистательный подвигъ четырехъ орудій Деконскаго породилъ мысль сформировать на-

(*) Саперомъ, въ послѣдствіи генералъ-адъютантомъ.

скоро еще два конныя орудія. Не взирая на то, что при отрядѣ подъ Германштадтомъ тогда имѣлось пѣшей артиллеріи достаточно и можетъ быть даже въ излишествѣ, генералъ-адъютантъ Лидерсъ приказалъ сформировать эти конныя орудія изъ козаковъ и немедленно приступить къ обученію ихъ приѣмамъ около орудій, заряжанію и стрѣльбѣ. Не позже, какъ чрезъ 5 дней послѣ этого приказа, мы видимъ, что эти два козацьи орудія дѣйствуютъ съ авангардной кавалеріею противъ непріятеля и, начиная отъ мѣстечка Баламиръ, преслѣдуютъ непріятельскія колонны своими выстрѣлами въ продолженіе двухъ или трехъ верстъ. Хотя, безъ сомнѣнія, стрѣльба ихъ была весьма немѣтка и вредила вѣроятно противнику болѣе нравственно, чѣмъ матеріально, однако не менѣе того этимъ примѣромъ мы убѣждаемся, что орудія, чрезъ 5 дней послѣ сформированія, были уже въ состояніи, относительно быстроты въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ, исполнять обязанности конной артиллеріи. Тѣ же самыя орудія съ прислугою, взятою изъ пѣшей артиллеріи, и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ обученія верховой ѣздѣ и волтижированію, едва ли были бы доведены до возможности двигаться, маневрировать и дѣйствовать вмѣстѣ съ авангардною конницею.

Проникнутые искони мыслию, что первую потребность для конно-артиллеристовъ составляетъ быстрота движеній и дѣйствій, мы въ Россіи всегда и при организаціи конной батареи принимали за необходимое давать ей такой числительный составъ, чтобъ на каждыя двухъ слѣзающихъ приходился одинъ коноводъ. Только при такомъ условіи, коноводъ будетъ въ состояніи принять лошадей отъ канонеровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они слѣзаютъ, и подскákatъ для подачи лошадей каждому изъ нихъ. За исключеніемъ Англии, гдѣ на каждого коновода полагается не болѣе 3-хъ подручныхъ лошадей, во всѣхъ другихъ государствахъ (въ которыхъ имѣется конная артиллерія), одинъ коноводъ долженъ держать по 4 и даже по 5 лошадей, что и составляетъ канонеровъ, послѣ слѣзанія, подводитъ къ нему своихъ лошадей, и за тѣмъ бѣжать къ орудію, а при надобности садиться, принуждаетъ ихъ бѣжать отъ орудія къ коноводу, выводитъ самому свою лошадь изъ ряда прочихъ и садиться на нее безъ всякаго содѣйствія коновода. Какое отъ этого происходитъ замедленіе въ открытіи огня при занятіи позиціи и какое смятеніе и растягиваніе людей при снятіи батареи, въ томъ я имѣлъ случай неоднократно убѣждаться, бывъ очевидцемъ дѣйствій

прусской гвардейской и одной баденской конныхъ батарей въ 1814 г. Сличая подобную неурядицу съ быстротою и отчетливымъ порядкомъ, съ которыми наша конная артиллерія исполняетъ всѣ дѣйствія свои при занятіи или оставленіи позиціи, нельзя не видѣть тотчасъ, что отъ одного уже недостатка въ числѣ коноводовъ, конная артиллерія всѣхъ почти иностранныхъ государствъ дѣлается не только матеріально, но и нравственно, неспособною къ тѣмъ лихимъ и отважнымъ дѣйствіямъ, которыми такъ часто отличалась наша конная артиллерія. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли ожидать, чтобы батарея выносилась отважно впередъ на самую близкую дистанцію къ непріятелю, когда въ батареѣ, начиная отъ командира ея до послѣднаго ѣздоваго, всѣ убѣждены въ томъ, что въ случаѣ неожиданной быстрой атаки конницы, если не вся батарея, то часть оной попадетъ навѣрное во власть противника. Мысль предпринимать что либо отважное можетъ родиться только у того, кто чувствуетъ въ себѣ средства къ исполненію задуманнаго подвига; гдѣ же нѣтъ увѣренности въ собственныхъ своихъ средствахъ, тамъ не можетъ быть ни удалства, ни отваги.

Невѣроятно, чтобы въ иностранныхъ государствахъ одна только излишняя бережливость была причиною недостаточнаго числа коноводовъ. За этимъ маловажнымъ расходомъ не остановились бы, еслибы смотрѣли на дѣйствія конной артиллеріи подобно намъ, еслибы требовали и ожидали отъ нея во всемъ отличную степень быстроты, словомъ, еслибы признавали безпорядки и замедленія, происходящія отъ недостаточнаго числа коноводовъ, дѣйствительно важными недостатками. Но дѣло въ томъ, что во всѣхъ земляхъ Европы, неисключая и Англіи, смотрятъ на конныхъ артиллеристовъ преимущественно съ точки зрѣнія обще-артиллерійской, требуютъ отъ нихъ по преимуществу основательное и отчасти даже обширное знаніе всего собственно къ артиллеріи относящагося, а между тѣмъ, на все прочее, въ особенности же на кавалерійскую часть конной артиллеріи, смотрятъ болѣе или менѣе какъ на дѣло второстепенное, иногда даже какъ на недостойное вниманія образованнаго артиллериста. Естественно, что въ слѣдствіе такого взгляда пренебрегаютъ тѣми мелочами устройства и обученія, которыя, относясь исключительно къ кавалерійской части, выходятъ изъ круга общихъ, до всей артиллеріи касающихся предметовъ.

До какой степени въ нѣкоторыхъ государствахъ пренебрегали кавалерійскою специальностію конно-артиллерійской службы, и даже съ намѣреніемъ старались отвлекать офицеровъ отъ занятій по этой части, въ томъ можетъ служить примѣромъ Франція. Въ этой странѣ, до новѣйшихъ временъ, служба офицеровъ конной артиллеріи была временная, переходная, почти очередная. По истеченіи извѣстнаго срока или по достиженіи извѣстнаго чина, офицеры артиллеріи перемѣщались изъ конныхъ въ пѣшія батареи и обратно; или изъ строевыхъ батарей—въ техническія заведенія и обратно. Хотя, такимъ образомъ, вполне достигалась цѣль сдѣлать офицеровъ свѣдующими повсѣмъ отраслямъ артиллерійскаго искусства, но вмѣстѣ съ тѣмъ явно противодѣйствовали образованію отличныхъ и опытныхъ конно-артиллеристовъ. Въ той же странѣ, не далѣе 20 лѣтъ тому назадъ, офицеры и самые командиры конныхъ батарей, были даже совершенно устранены отъ распоряженія лошадьми, которыя во всѣхъ отношеніяхъ состояли подъ управленіемъ и отвѣтственностію фурштатскаго капитана, приданнаго къ каждой батарее.

Вліяніе такихъ распоряженій на конную артиллерію очевидно изъ послѣдствій. Ни въ алжирскихъ походахъ, ни даже въ теченіе войнъ Наполеона I, въ которыхъ всѣ роды оружія французской арміи успѣвали отличаться блистательными дѣйствіями, мы не встрѣчаемъ ни одного примѣра, чтобы французская конная артиллерія произвела гдѣ либо замѣчательный подвигъ, подобный тѣмъ, которыхъ мы требуемъ отъ нашихъ конныхъ батарей. Всѣ военныя ея дѣйствія, по исполненію, смыслу и духу своему, едва подобны тѣмъ, которыя мы, въ настоящее время, ожидаемъ отъ каждой хорошей ѣздящей батареи.

Въ 1847 году, то есть 32 года послѣ окончанія Наполеоновскихъ войнъ, я имѣлъ случай видѣть неоднократно ученіе французскихъ конныхъ батарей. Хотя въ то время лошади батарей уже состояли подъ непосредственнымъ распоряженіемъ батарейныхъ офицеровъ, но во всемъ еще было видно рѣшительное преобладаніе артиллерійскаго элемента надъ кавалерійскимъ. Съ перваго взгляда движенія этихъ батарей, можно было замѣтить, что верховая ѣзда и вообще кавалерійская часть составляютъ весьма слабую ихъ сторону; къ тому же, въ ихъ ученіи невидно было ни малѣйшаго стремленія къ быстрому исполненію движеній и дѣйствій. Всѣ передвиженія и эволюціи производились не иначе, какъ шагомъ или умѣренной рысью и сверхъ замедленій и без-

порядковъ, естественно происходившихъ отъ недостатка въ конноводахъ, являлись и многіе другіе, отъ неумѣнія людей управлять лошадьми и отъ вялости и нерадѣнія ихъ, когда нужно было слѣзать или садиться на лошадей.

Смотря на все это, казалось, что тутъ производится не ученіе конной артиллеріи, но ученіе пѣшихъ артиллеристовъ, случайно посаженныхъ на лошадей, и невольно рождалась мысль, что въ случаѣ надобности пускаться, по нашему, въ каррьеръ, длязанятія позиціи, часть лошадей понесетъ въ сторону, часть людей упадетъ и вообще сдѣлается такая суматоха, что некому будетъ снять съ передковъ и открыть огонь. Убѣдиться въ несправедливости этой мысли было невозможно, потому что ни на одномъ изъ многихъ видѣнныхъ мною ученій, ни разу не ѣхали галопомъ и тѣмъ менѣе каррьеромъ. Когда осенью того же года, на маневрахъ при Компіенѣ, производившихся въ присутствіи короля Людовика-Филиппа, мнѣ случилось прочесть въ диспозиціи для одного изъ дней маневровъ, «что въ такомъ-то моментѣ конная артиллерія изъ резерва *выносится съ всевозможною стремительностію* впередъ, на такой то пунктъ боевой линіи», то я весьма обрадовался этому, надѣясь наконецъ посмотрѣть, какъ у Французовъ исполнится быстрое конно-артиллерійское движеніе. До наступленія означеннаго момента, я отдѣлился отъ свиты короля и въ сопровожденіи одного французскаго артиллерійскаго генерала и нѣсколькихъ офицеровъ, поѣхалъ къ резерву. Отъ мѣста, гдѣ находился резервъ, до предназначенной новой позиціи, было не болѣе полуверсты разстоянія, по твердому, ровному полю, такъ, что ничто не препятствовало произвестъ самое блистательное конно-артиллерійское движеніе; но къ моему удивленію, все разстояніе до новой позиціи было пройдено рысью до того умѣренной, что всякая наша ѣздящая батарея успѣла бы доѣхать до мѣста гораздо ранѣе. Изъ выраженія лицъ сопутствовавшихъ мнѣ генерала и офицеровъ, нельзя было не заключить, что они оставались вполне довольными исполненіемъ предписаннаго *стремительнаго* движенія, и что никакой большей стремительности не ожидали и, вѣроятно, отъ своей конной артиллеріи никогда и невидывали.

Послѣ всего этого уже нельзя было удивляться, слыша отъ многихъ французскихъ артиллерійскихъ офицеровъ отзывъ, «что конная артиллерія, послѣ введенія ѣздящей, сдѣлалась излишнею». Должно согласиться, что эти офицеры судили совершенно спра-

ведливо, потому что имѣли въ виду собственную свою конную артиллерію, въ которой кавалерійскій элементъ находился въ совершенномъ пренебреженіи и не существовало даже и мысли о возможности для конной артиллеріи производить движенія и дѣйствія съ истинною стремительностію и въ духѣ кавалерійскаго удалства и отваги.

Говоря объ ученіи одной Французской конной батареи подъ Севастополемъ, генералъ-маіоръ Крыжановскій выражается слѣдующимъ образомъ: «Если ученіе пѣшей батареи показалось «всѣмъ намъ недостаточно оживленнымъ и веселымъ, то ученіе «конной артиллеріи должно было показаться грустнымъ. Дру- «гихъ аллюровъ, кромѣ шага и рыси, ни въ какихъ случаяхъ кон- «ная артиллерія не употребляетъ. По командѣ: *батарея стой,* «*съ передковъ, на лево кругомъ,* прислуга останавливаетъ лошадей «у ящиковъ, тамъ спѣшивается и оттуда бѣжитъ къ остановив- «шимся и ожидающимъ прихода прислуги орудіямъ, чтобы снять «ихъ съ передковъ. Такой конной артиллеріи, какова была ба- «тарея, мною видѣнная, положительно имѣть не стоить; лучше «ограничиться батареями пѣшими съ посаженною прислугою и «добавить, если нужно, еще одну пару лошадей къ тѣмъ шести, «которыя нынѣ положены. И тѣни нѣтъ той лихости, того моло- «дечества, той быстроты, которыми отличается наша конная «артиллерія.»

Изъ этого отзыва видно, что Французская конная артиллерія подъ Севастополемъ находилась въ точно такомъ же положеніи, въ какомъ была въ 1847 году, и что, слѣдовательно, жалкое ея состояніе подъ Севастополемъ не могло быть послѣдствіемъ отдѣленія ея въ особые полки, воспослѣдовавшаго послѣ 1847 г., а напротивъ того служить явнымъ доказательствомъ тому, что намѣренія Французскаго правительства, посредствомъ соединенія своихъ конныхъ батарей въ особые полки, поднять и развить запущенный у нихъ до крайности кавалерійскій элементъ, не увѣнчалось до 1855 года ни малѣйшимъ успѣхомъ. Въ причинѣ этого неуспѣха сомнѣваться нельзя. Она таже самая, которая всегда болѣе или менѣе препятствовала усовершенствованію конной артиллеріи въ государствахъ Западной Европы, и особенно во Франціи, а именно: *закоренѣвшее въ большинство артиллеристовъ, одностороннее, педантское превознесеніе собственной своей специальности, передъ специальностями другихъ родовъ войскъ, заставляющее офицеровъ конной артиллеріи взирать на кавале-*

рійскую часть своей службы, какъ на предметъ маловажный, недостойный особаго ихъ вниманія, и препятствующее тѣмъ развитію между ими любви къ кавалерійскимъ занятіямъ и зарожде- нію кавалерійскаго молодечества.

Соображеніе всего вышесказаннаго приводитъ невольно къ лестному для насъ заключенію, что наша русская конная артиллерія, по отличной быстротѣ своихъ движеній и дѣйствій, и по своему лихому, отважному духу, не имѣетъ и никогда не имѣла равной себѣ въ Европѣ. По блистательнымъ этимъ свойствамъ, она единственна въ своемъ родѣ и составляетъ собою одну изъ отличительныхъ особенностей, или, лучше сказать, одно изъ преимуществъ русской арміи.

Оспаривать у ней такія свойства невозможно, потому что они неопровержимо доказываются сличеніемъ дѣйствій ея съ дѣйствіями иностранныхъ конныхъ батарей; но найдутся люди, которые скажутъ, что восхваляемыя преимущества нашей конной артиллеріи не въ состояніи оказывать рѣшительнаго вліянія на главный успѣхъ войны, что ими можно пренебрегать, какъ не важными съ точки зрѣнія высшей тактики и стратегіи и обходиться безъ нихъ, подобно тому, какъ обходятся прочія арміи Европы. На это возраженіе легко отвѣчать слѣдующимъ: Если преимущества нашей конной артиллеріи были бы дѣйствительно маловажны, по вліянію на главный результатъ войны, то и въ такомъ случаѣ пренебрегать ими было бы непростительно. Нынѣ, когда европейскія арміи стараются уравниваться между собою, перенимая другъ отъ друга все, что полезно и примѣнимо, относительное превосходство одной арміи надъ прочими можетъ заключаться единственно въ совокупности тѣхъ разнородныхъ матеріальныхъ, тактическихъ и нравственныхъ преимуществъ ея, которыя, по неподражаемости своей или по другимъ причинамъ, остаются исключительнымъ ея достояніемъ. Пренебрегать такими частными преимуществами потому только, что каждое изъ нихъ, отдѣльно взятое, не имѣетъ рѣшительной важности, или по той причинѣ, что всѣ остальные народы обходились и обходятся безъ нихъ, значило бы добровольно лишить свою армію всего, что составляетъ перевѣсъ ея надъ иностранными войсками и оставлять за ней только тѣ качества, въ которыхъ она уступаетъ, или, по большей мѣрѣ, равняется имъ. Слѣдуя такой логикѣ, Пришлось бы распустить наше козачье войско, какъ лишнее, по-

тому что всѣ европейскія арміи умѣли обходиться и безъ помощи козаковъ.

Но правда ли, что блистательныя свойства нашей конной артиллеріи маловажны по вліянію на общій успѣхъ военныхъ дѣйствій? Подвигъ полковника Житова подъ Варшавою, по общему свидѣтельству очевидцевъ, много способствовалъ поколебанію духа защитниковъ Вольскаго редута, слѣдственно и къ овладѣнію этимъ главнымъ непріятельскимъ укрѣпленіемъ. Капитанъ Деконскій, дѣйствуя смѣло и энергически, съ 4-мя лишь конными орудіями, сдѣлался однимъ изъ главныхъ виновниковъ разстройства и бѣгства непріятельскихъ войскъ при Германштадтѣ. Генераль Арнольди, прискакавъ съ одною батареею, въ самый критическій моментъ сраженія, при Кулевчи, тѣмъ содѣйствовалъ весьма много, а можетъ быть и рѣшительно, окончательному отраженію Турокъ, а всѣмъ извѣстно, что побѣда при Кулевчи, позволивъ намъ перейти Балканы, рѣшила исходъ Турецкой войны. При Прейсишъ-Эйлау, графъ Кутайсовъ, узнавъ, что Остерманъ-Толстой уже не въ силахъ удерживать натискъ маршала Даву, обошедшаго лѣвый флангъ нашей арміи и наступавшаго прямо на линію отступленія ея, прискакалъ во весь опоръ съ тремя конно-артиллерійскими ротами, съ праваго фланга боевой линіи, на самую оконечность лѣваго, и близкимъ картечнымъ огнемъ своихъ 36 орудій, не только остановилъ Французовъ на время, но даже отчасти принудилъ ихъ къ отступленію. Одно это молодецкое содѣйствіе Кутайсова дало средства Остерману удержаться до прибытія Прусскаго корпуса Лестока и тѣмъ спасло всю нашу армію отъ угрожавшей ей величайшей опасности. Очевидно, всѣ эти подвиги были болѣе или менѣе важны по достигнутымъ результатамъ, не взирая на то, что всѣ они производились, не въ слѣдствіе общей диспозиціи сраженія и не по приказанію главнаго начальника войскъ, а единственно по распоряженію и внутреннему порыву частныхъ начальниковъ самой конной артиллеріи, и что по этому подвиги эти могли оказать только частное, или случайно-рѣшительное вліяніе на успѣхъ сраженія. Если подобные блистательные подвиги производились бы съ возможно большимъ числомъ конныхъ орудій, въ связи съ общимъ планомъ сраженія, или въ критическихъ моментахъ боя, по указанію главнаго начальника войскъ, и при томъ съ прямою цѣлью исторгнуть ими побѣду у непріятели, то, безъ сомнѣнія, и результаты дѣйствій конной артиллеріи могли

бы быть самые важные, даже рѣшающіе участь цѣлой войны. Къ сожалѣнію, мы въ нашей военной исторіи не видимъ нигдѣ подобнаго употребленія конной артиллеріи; мы даже не встрѣчаемъ ни одно́го случая, гдѣ, при важныхъ атакахъ кавалеріи противъ кавалеріи, наша конная артиллерія была бы употреблена вполнѣ соотвѣтственно своимъ отличительнымъ свойствамъ. Такое явленіе можетъ объясниться только тѣмъ, что главные распорядители нашихъ военныхъ дѣйствій не имѣли полного и яснаго сознанія о преимуществахъ своей конной артиллеріи надъ иностранною, всегда пользовались ею въ той же тѣсной рамкѣ, какъ иностранцы употребляютъ свои конныя батареи, и тѣмъ упускали случаи извлечь изъ нея особо важныя выгоды, въ высшемъ тактическомъ смыслѣ.

Кончая статью, повторимъ бѣгло главные выводы ея.

Отличительныя свойства конной артиллеріи, какъ особаго рода оружія, заключаются единственно въ производствѣ движеній и дѣйствій со скоростію, невозможною для ѣздящей артиллеріи, и въ духъ истинно кавалерійскомъ, смѣло, лихо, даже отважно. Если конная артиллерія не обладаетъ этими свойствами, она бесполезна и излишня, какъ особый родъ оружія; ее могутъ съ удобностію замѣнить хорошія ѣздящія батареи.

Русская конная артиллерія всегда обладала и до нынѣ обладаетъ этими свойствами въ столь превосходной степени, что никакая иностранная конная артиллерія, въ этомъ отношеніи, сравниться съ нею не можетъ.

Единственный способъ къ приобрѣтенію такихъ свойствъ всегда заключался въ развитіи кавалерійскаго элемента до полной удовлетворительности, а для достиженія этой цѣли было совершенно необходимо, чтобъ конно-артиллерійскіе офицеры посвящали большую половину своего времени манежнымъ ученьямъ и прочимъ обязанностямъ по кавалерійской части, чтобъ они занимались ими не по одной наружности, но съ истиннымъ усердіемъ и охотою, даже съ любовью, и наконецъ, чтобъ по самому роду такихъ занятій, они проникались постепенно духомъ кавалерійскаго удалства и молодечества. Переставая соблюдать эти условія, наша конная артиллерія неминуемо утратила бы тѣ

свои отличныя свойства, которыя не только даютъ ей превосходство надъ иностранною, но и составляютъ единственное ея право на существованіе въ качествѣ особаго рода оружія.

Дабы при столь важныхъ и трудныхъ занятіяхъ по кавалерійской спеціальности, оставалась бы возможность для коннаго артиллериста исполнять надлежащимъ образомъ и обязанности свои собственно по артиллерійской части, безъ сомнѣнія необходимо ограничить по возможности требованія по этой части, довольствуясь тѣмъ, что дѣйствительно нужно и полезно въ практическомъ смыслѣ, т. е. для вполне удовлетворительнаго дѣйствія въ полѣ.

Если мы будемъ требовать отъ конной артиллеріи, съ одной стороны, развитія кавалерійскаго элемента до той высокой степени, которая ей необходима для отличныхъ дѣйствій, но съ воспрещеніемъ всякихъ лишнихъ и вредныхъ утонченностей, а съ другой стороны, усерднаго и строгаго исполненія обязанностей собственно артиллерійскихъ, но не иначе, какъ въ тѣсныхъ предѣлахъ того, что дѣйствительно нужно, чтобы конную батарею сдѣлать способною къ вполне удовлетворительному дѣйствію въ полѣ, — то мы дадимъ нашей конной артиллеріи возможность не только сохранять нынѣшнія отличительныя свои преимущества, но и удовлетворять всѣмъ практически полезнымъ требованіямъ по артиллерійской спеціальности.

Такой выводъ совершенно противоположенъ смыслу тѣхъ статей «Артиллерійскаго Журнала», въ которыхъ настаиваютъ на томъ, чтобы конно-артиллерійскій офицеръ занимался собственно артиллерійскою частію, наравнѣ съ пѣшими артиллеристами; ставятъ коннымъ артиллеристамъ въ упрекъ охоту и любовь къ манежнымъ занятіямъ и даже оуждаютъ ихъ за то, что они прониклись особымъ кавалерійскомъ духомъ. Подобный взглядъ на обязанности коннаго артиллериста, занесенный къ намъ съ запада, гдѣ онъ искони господствовалъ и составлялъ непреодолимое препятствіе къ усовершенствованію конной артиллеріи, безусловно вреденъ и требуетъ самаго рѣшительнаго возраженія и порицанія, тѣмъ болѣе, что статьи, въ которыхъ высказывается этотъ взглядъ, написаны отчасти офицерами конной артиллеріи. Противодѣйствовать распространенію между нашими конно-артиллеристами подобныхъ ошибочныхъ и вредныхъ понятій, искоренить ихъ тамъ, гдѣ они уже зародились, составляетъ священный долгъ всякаго, кто желаетъ, чтобы наша он-

ная артиллерія не утратила своихъ блистательныхъ свойствъ и, постепенно упадая, не сдѣлалась подобною жалкимъ французскимъ коннымъ батареямъ, которыя отличаются отъ пѣшихъ только тѣмъ, что прислуга ихъ посажена на лошадей, а впрочемъ, по своей ничтожности, какъ особый родъ оружія, не стоятъ расходуемыхъ на нихъ правительствомъ издержекъ.

Баронъ Н. МЕДЕМЪ.
